

Ст.н.с. Института
гуманитарных
исследований КБНЦ РАН
Н.А. Шаожева

Формы женской социальной активности в Кабардино-Балкарской Республике на современном этапе

Н.А. Шаожева

Политические партии и общественно-политические организации КБР периода 90-х годов никак не относятся к разряду социально и экономически генерированных. Их появление обусловлено непосредственно влиянием среды, и практика этого периода показала, что формы женской социальной активности в Кабардино-Балкарии приняли несколько неожиданный вид.

Так, женские общественные организации «Женщины Балкарии», «Адиюх» и «Сатаней», образовавшиеся в 1991, 1992, 1994 годах соответственно, представляли, по сути дела, отпочковавшиеся от головных национальных структур – Национального Совета балкарского народа и Конгресса кабардинского народа – женские фракции этих национальных движений.

Уставные положения их основных учредительных документов практически полностью дублируют уставы «маточных» организаций, с естественными поправками на половой состав обществ и обязательными добавками общегуманитарного плана. В положениях уставов всех трех организаций, например, пункты, декларирующие благотворительную деятельность, значительно расширены по сравнению с соответствующими местами Уставов ККН и НСБН [1]. В этом смысле и «Женщины Балкарии», и «Адиюх», и «Сатаней» представляют формы сателлитных женских движений, экстраполированных в среду национальных движений.

Кадровый состав актива этих движений полностью соответствовал актуальным потребностям лидирующих обществ, обеспечивая полную консолидированность действий, прежде всего в силу недостаточности социального статуса их представительниц в общем потоке национального движения.

Определенный уровень самостоятельности в принятии решений и организации общественных акций проявили лишь представительницы «Женщин Балкарии». Общество было образовано до создания НСБН – в августе 1991 года [2], офи-

циальную регистрацию в Минюсте КБР прошло тогда же – в октябре. Ядром «Женщин Балкарии» явились участницы голодовки протеста в августе-сентябре 1991 года, проведенной совместно активистами «Адыгэ Хасэ» и «Тере», вскоре после событий 19–21 августа.

Немалую роль в становлении общества в качестве самостоятельного, или приближенного к таковому, сегмента национальных движений сыграла личность его председателя – старейшей балкарской писательницы М.Ч. Шаваевой. Высокий авторитет последней допускал известную самостоятельность «Женщин Балкарии» как до образования НСБН, так и после него.

Все попытки лидеров Национального Совета интегрировать «Женщин Балкарии» в общее русло политической деятельности мужских национальных организаций балкарского народа успеха не имели. В этом смысле уровень аттрактивности женского национального движения определялся сходством основных идеологических положений, которыми руководствовались активисты «Женщин Балкарии» и руководящее ядро организации. Идеология же движения была резко радикальной и предусматривала в качестве главной цели достижение самостоятельности Балкарии, т. е. была ориентирована на раздел КБР по этническому признаку.

По воспоминаниям очевидцев голодовки на центральной площади Нальчика в 1991 году, в акции принимало участие не менее 6 женщин. С учетом того обстоятельства, что актив общества насчитывал не более 10 человек, мы можем судить о степени радикализованности членов «Женщин Балкарии», подтвержденной впоследствии несколькими значимыми шагами этого объединения.

Так, протоколы заседаний НСБН, в период руководства Советом Б.К. Чабдарова, буквально пестрят резкими замечаниями М.Шаваевой и других активисток общества, недовольных «нерешительностью и слабостью» лидера национального движения [3].

Позже, после ухода с поста Председателя НСБН Б.Чабдарова и избрания на этот пост С. Беппаева, жесткость высказываний нового председателя Нацсовета, ярко выраженный популистский характер декларируемых им идей привели к практически полной консолидации «Женщин Балкарии» и НСБН, идеологическая однозначность которых была нарушена лишь в 1996 году, ввиду неоправданной, с точки зрения актива женского общества, задержки созыва очередного этапа Съезда балкарского народа. Окончательный отказ от созыва съезда привел к такому же бесповоротному разрыву отношений «Женщин Балкарии» с лидерами национального движения в целом.

Политическая активность «Женщин Балкарии» после 1997 года стремительно убывала и к исходу 90-х свелась к нулю. Гуманитарные же акции и благотворительная деятельность общества были всегда спорадическими и, как правило, ограничивались сбором помощи беженцам из Чечни в 1994–1995 годах. С 1998 года организация «Женщины Балкарии» существовала фактически лишь как гипотетическая структура, не проводящая не только общественно-значимые мероприятия, но и прекратившая внутрискрупулярную деятельность.

Кабардинские женские общества «Адиюх» и «Сатаней», в отличие от образовавшихся самостоятельно «Женщин Балкарии», с самого начала своего существования выполняли лишь вспомогательные функции в деятельности «Адыгэ Хасэ» и Конгресса кабардинского народа. Однако и социальная база этих движений, и уровень их массовости были несколько более масштабны, нежели у «Женщин Балкарии», что позволило им организовать ряд заметных гуманитарных акций в поддержку Абхазии в период грузино-абхазской войны и в помощь пострадавшим в период первого чеченского конфликта в 1994 году.

Общая стоимость гуманитарной помощи, собранной представительницами этих двух организаций, составила по разным оценкам сумму от 12 до 30 млн рублей по ценам на 1 января 1995 года [4].

Все же, оценивая женское национальное движение Кабардино-Балкарии 90-х годов, мы не можем не констатировать, что сам процесс структуризации женской политической активности носил четко выраженный инициированный характер, основная масса женского населения КБР – прежде всего ее национальной части – избегала участия в политических движениях и любых публичных акциях.

Это, однако, не означает, что уровень социальной активности женщин республики был низок. По всей видимости, можно констатировать, что круг интересов современной женщины Кабар-

дино-Балкарии просто-напросто не включает в себя проблемы узкополитической направленности, более того – высокая сохранность «феминного» образа женщины в Кабардино-Балкарии, основанного на традиционных воззрениях, обусловила то обстоятельство, что из более чем 120 женских движений планеты (подсчет автора по доступным интернет-ресурсам) в республике не представлено ни одно, а единственным женским объединением «западного», «феминистического» типа можно было считать «Женский клуб», который, однако, в общественно значимых акциях не участвовал.

Что касается вышеперечисленных женских политических партий, то они функционально также представляли из себя сателлитные движения, по крайней мере, несмотря на расхождения с руководством «маточных» организаций, ни «Женщины Балкарии», ни «Адиюх», ни «Сатаней» не занимались политической деятельностью в автономном режиме, и ни одна из представительниц этих обществ не обозначилась как самостоятельная фигура в многочисленных выборных кампаниях различного уровня периода 1991–1998 гг.

За этот период Минюстом КБР было зарегистрировано более 20 женских общественных организаций, четверть из них занимались в основном политической деятельностью. По данным Федеральной регистрационной службы, на сегодняшний день не существует ни одной политической организации, а общественных организаций – 5 [5].

Принимая степень электоральной активности женского населения за основной признак определения последней – хрестоматийное положение, не подвергавшееся сомнению ни одной из социологических школ современности, включая ленинско-марксистские (относительно любых групп населения) [6], мы закономерно обратились к анализу соответствующих явлений в женской среде Кабардино-Балкарской Республики.

Можно говорить о том, что потенциал женской социальной активности КБР на современном этапе сосредоточен, главным образом, на решении проблем конкретного жизнеустройства на уровне локальных подразделений социума – семьи, группы общения, максимум – проблематика общин второго порядка (село, район – т.е. круг людей, так или иначе непосредственно контактирующих).

Сказанное весьма четко иллюстрируется результатами опросов, проведенных в конце 2004 года в сельских населенных пунктах республики.

В результате анкетирования (опрошено 526 женщин) выявилась следующая картина: из 144 русских женщин на вопрос: «Назовите наиболее видных политиков РФ и КБР» лишь 16 вспомнили политиков-женщин (11,1%). Населенные пун-

кты с преимущественным проживанием кабардинцев и балкарцев дали еще более низкий результат – чуть менее 10 % (38 из 382).

Разница, как мы видим, несущественная, и что удивительно – аналогичные показатели в городе Нальчике ничуть не выше (опрос 2004 года – 200 респондентов). Единственное, что отличает городских жительниц от сельских, – осознанность в игнорировании «большой политики», как это явствует из самого характера ответов («Политикой не интересуюсь», «Мне все равно» и т.п.) [7].

Ярким доказательством индифферентности основной части женского населения Кабардино-Балкарской Республики в вопросах «большой», федерального уровня политики могут считаться и результаты выборов в Госдуму РФ 1993, когда «Женщины России» со значительным запасом преодолели 5 %-ный барьер, а в КБР республиканское отделение во главе с А. Уянаевой не набрало и 4 % голосов, несмотря на массированную поддержку движения со стороны государственных управленческих структур. Из 447 депутатов Государственной Думы, избранных в 2003 году, 44 депутата – женщины (для сравнения: в Государственной Думе третьего созыва из 441 депутата 34 – женщины. Это меньше, чем в Государственной Думе первого (58) и второго (46) созывов) [8]. Опрос выявил весьма интересный феномен. Единственное национальное село, расположенное в русском районе республики, – Алтуд (Прохладенский р-н), в ответе на этот же вопрос (« Назовите наиболее видных политиков РФ и КБР») «выдало» результат в 30 % (10 из 31) [9].

Однозначного истолкования этому факту мы дать не можем и лишь предполагаем, что здесь сыграла свою роль некая диспропорция между принятыми нормами и стереотипами мышления и поведения самого села с теми же системами окружающей среды, приведшая к форсированному формированию женской электоральной активности.

Таким образом, женщины КБР подчеркнута аполитичны. Речь идет о существовании определенной границы интересов, заканчивающихся на системах, занимающих промежуточное значение между макро- и микросоциумами (общества второго порядка). Поэтому логично было бы ожидать, что и выборные процессы в высшие, представительные органы КБР также не будут демонстрировать высокой женской активности.

Действительно, беглый анализ списочного состава Парламента КБР двух созывов приводит к следующим результатам и выводам.

Доля женщин в Совете Республики Парламента КБР первого созыва – около 15 % (5 из 36), в той же палате Парламента Кабардино-Балкарской Республики второго созыва – несколько

выше – чуть более 18 % (6 из 36). На сегодняшний день из 104 депутатов Парламента КБР 10 депутатов – женщины [10].

Мы считаем эту разницу несущественной по двум причинам: слишком высока вероятность случайных флуктуаций выборной среды – во-первых, а во-вторых – ровно половина депутатов-женщин Парламента последнего созыва вторично избирались на свои должности, что говорит уже не столько об электоральных настроениях среды, сколько об адекватности тактики проведения выборной кампании.

Но при рассмотрении уровня женской политической активности в общинах второго порядка в селах мы не можем не отметить положительную динамику, присущую второй половине 90-х и началу 2000 гг. Мы изучили материалы выборных кампаний в местные советы первого, второго и третьего созывов – по 17 сел для каждого цикла. И в том, и в другом случае выборка населенных пунктов была случайной.

Среди 161 депутата местных советов первого созыва 41 человек – женщины, в районах же с преимущественным проживанием русского населения почти половина депутатов местных советов были представлены женщинами (21 из 51 – 41 %). В кабардинских и балкарских селах этот показатель равнялся 18 % (20 из 110).

Следует отметить, что уже к выборам первого созыва в ряде русскоязычных сел республики сложились мощные электоральные группы, обеспечившие тотальное преимущество женщин при выборах в местные советы – доля их в депутатском составе местных представительных органов власти доходит до 60 %, а в селе Изобильное все семь мандатов достались женщинам.

За время, прошедшее с 1995 по 2007 гг., несколько изменилась ситуация. Выросла доля женщин в местных советах русских населенных пунктов – до 45,7 % (16 из 35 в исследованных селах).

Несколько снизились показатели женской электоральной активности в национальных селах. Но при исследовании МС второго созыва в основном рассматривались крупные села с достаточно развитой инфраструктурой. В выборку третьего цикла попало 5 сел из разряда «неблагополучных». Они и понизили процент женского представительства в местных органах власти (3 из 37 – менее 8 %). При сравнении же показателей в 5 населенных пунктах, попавших и в первую и во вторую выборки, мы можем видеть, что количество депутатов-женщин заметно возросло – с 18 до 24 % (9 из 50-ти и 12 из 50-ти соответственно).

Наиболее резкий скачок при этом дали села с преимущественным проживанием русского населения, относящиеся к разряду крупных, с раз-

витой инфраструктурой, например в ст. Солдатской доля женского представительства в местном совете возросла с 33 до 57 % (2003–2007 гг.) [11].

Все это говорит о том, что женская электоральная активность КБР имеет устойчивую тенденцию к повышению.

Одновременно с этим мы сталкиваемся с явлением активизации альтернативной женской активности. Помимо формирования политических партий (см. выше) это проявлялось в резком увеличении количества верующих женщин с ярко выраженными признаками демонстративного религиозного поведения (конец 90-х гг.).

В городских условиях подобный тип поведения можно считать противоречащим, или несоответствующим с общепринятыми стандартами, т.е. одной из форм проявления женской социальной активности, оппозиционной существующей на сегодняшний день среде. Формирование данной группы женщин началось в 1995–1996 гг. Только в Нальчике, по разным данным, их доля к 2000 году достигла 1–2,5 процента от общей массы кабардинок и балкарок, проживающих в городе, и что представляется особенно характерным – процент молодых девушек в возрасте до 18 лет рос особенно быстрыми темпами – число слушательниц исламского университета в 1998–2000 гг. возросло с 14 человек до 67 [12].

Не беря на себя смелость предсказывать дальнейшие эволюционные моменты развития профессиональных групп, мы лишь отметим, что в условиях некорректной подачи основных положений ислама, часто имеющих место в условиях современной Кабардино-Балкарии, консолидированная и достаточно радикальная группа женщин-мусульманок может представлять из себя значительную социальную и политическую силу. С учетом динамики роста количества верующих мусульман в Кабардино-Балкарии (людей, придерживающихся ортодоксальных требований религии) и нынешнего их количества, оцениваемого разными источниками в пределах 70–120 тысяч человек, мы можем предположить, что уже в ближайшее время этот сектор реализации женской социальной активности, как странно ни звучало бы это, может оказаться доминирующим во всем пространстве женского движения Кабардино-Балкарской Республики и, думается, всего Северного Кавказа.

В общем и целом, даже краткий и беглый обзор истории возникновения и работы женских движений и аттрактивных женских групп КБР на современном этапе позволяет сделать один очень существенный вывод: в переходный период крайне важен выбор социальных приоритетов, которые должны взять на себя государство и другие социальные институты. Опыт показывает, что

спонтанное аутоэргоническое формирование женских движений и форм женской социальной активности отягощено различными негативными моментами, корни которых лежат в крайне неблагоприятной социально-экономической, а в последнее время – и информационной среде.

Развитие регионального женского движения и стратегия его корректного формирования в переходный период не могут обуславливаться содержанием и темпом реформ, это дело государственного контроля. Многое зависит и от готовности женского сознания к периодической корректировке социальной стратегии, разработке нескольких моделей, которые можно использовать в зависимости от хода реформ и с учетом национальных особенностей региона.

Особое значение приобретает в наших глазах тот факт, что в постперестроечный период общий характер материальных внутрисемейных отношений претерпел значительные изменения. Обязанность участвовать в общественном производстве сменилась экономической необходимостью обеспечения семьи, которая потребовала от женщины активизации роли работницы, как в случае одинокого материнства, так и в случае семьи, состоящей из двух кормильцев. 90-е годы ознаменовались резким повышением внутрисемейного статуса женщины – прежде всего в национальных семьях, что, вне всякого сомнения, объясняется реальными, часто негативными, подвижками социально-экономической среды. Достаточно указать, что из 300 с лишним кооперативов и частных предприятий пригородов Нальчика с преимущественным проживанием кабардинского и балкарского населения, зарегистрированных в течение 1987–1990 гг. налоговыми органами республики, более половины имели своими фактическими руководителями женщин.

С развитием так называемого челночного бизнеса та же участь постигла и кабардинскую часть населения КБР – по состоянию на январь 1995 года из более чем 12 тысяч граждан, получивших разрешение на индивидуальную торговлю, около 60% были женщины – при том, что большая часть лиц, занимавшихся этим видом бизнеса, была представлена жителями республики кабардинской национальности [13].

Изменения внутрисемейного статуса женщин закономерным образом повлекли за собой и трансформацию стереотипов социального поведения женщин. Новые поколения женщин хотят и могут получить более высокую квалификацию, чем старшее поколение. При этом доступ к высшим формам образования они уже перестают рассматривать исключительно или даже преимущественно из экономических соображений. Высшее образование для них – не столько источник

средств к существованию, сколько неотъемлемая часть их общекультурного развития.

Исследования показали, что в течение 1995–2006 гг. неуклонно повышалась доля студентов-девушек КБГУ, обучающихся на традиционно «мужских» факультетах, в том числе – физическом, математическом, факультете информатики и управления, экономическом [14].

К концу 90-х годов, невзирая на возросший уровень национального самосознания, начали возрастать показатели межнациональных браков, в начале десятилетия упавшие почти до нуля.

Весьма значительна доля женщин в так называемых группах альтернативной социальной активности – религиозного толка и других.

Показательны данные по составу различных выборных институтов на территории КБР.

Социологический опрос, проведенный в конце 2004 года в сельских населенных пунктах КБР, подтвердил возросший потенциал женской социальной активности – из 300 респондентов женского пола на вопрос «Хотели бы Вы видеть своим депутатом в Госдуме РФ женщину?» положительный ответ дали 184 человека (61%), при условии, что предполагаемый кандидат достаточно известен и, главное, обладает высоким социальным статусом [15].

Все это говорит о том, что на сегодняшний день ресурсы социальной дееспособности женщин Кабардино-Балкарии обладают огромным общественным и политическим потенциалом. Реализация его препятствует лишь отсутствие ярко выраженного лидера-женщины, обладающего достаточным харизматическим качеством. Любое значимое колебание социально-экономической ситуации в целом по стране и в республике может привести как к появлению подобного лидера, так и к трансформации системы гендерных взаимоотношений на всех уровнях их реализации.

Зачастую эти изменения в области поведенческих стереотипов приобретают откровенно неприемлемый характер. Так, в течение 1999–2006 гг. опасные масштабы приобрела заболеваемость алкоголизмом – рост на 37,9%, в том числе абсолютный рост женского алкоголизма составил 46%. На 10,3% увеличилась общая численность больных наркоманией и токсикоманией, и здесь также крайне неблагоприятно выглядит динамика роста этих явлений в женском секторе [16].

В условиях тотальной деструкции систем народнохозяйственного комплекса и зачастую неконтролируемой дестабилизации общества роль и функциональное значение структур женского движения естественным образом меняется.

В идеале они должны выступать как неотъем-

лемая часть общего социо-управленческого механизма, работающего под строгим контролем государства. «...Социальная стратегия государства должна, на наш взгляд, включать долгосрочные и краткосрочные цели: первые связаны с поиском оптимального соотношения социально-политической стабильности и экономического роста, вторые зависят от конкретного состояния общества (сложившееся оно или формирующееся) и характера экономических связей (стабильны они или нарушены)...» [17] – мысль абсолютно верная, так же как и то, что в условиях современной России основной акцент должен быть сделан на деятельность по поддержанию стабильности, а в регионах Северного Кавказа – по поддержанию политической стабильности в первую очередь.

Однако для Кабардино-Балкарии это оказалось невозможным. Не говоря уже о женских слоях, дошедших до полной люмпенизации и влившихся в ряды десоциализированной части населения, развитие ситуации в женской среде относительного социального благополучия также можно охарактеризовать как, по меньшей мере, тревожную.

Тяжелые последствия рыночной экономики в современных условиях привели к социальным волнениям, которые, в свою очередь, вылились в политические (межнациональные конфликты и гражданские войны), и женские движения республики в подавляющем своем большинстве в 90-х годах оказались полностью вовлеченными в сложные коллизии политического и межэтнического напряжения.

На наш взгляд, сложившаяся социально-экономическая и политическая ситуация на Северном Кавказе требует переосмысления принципов, структур и функций женского движения. В этой связи особое значение приобретает новая составляющая женской социальной активности в целом, а именно оптимизация стихийных и часто нежелательных социо-политических процессов складывающегося общества.

Особенно важно, чтобы на федеральном и региональном уровне обеспечивался учет социальных проблем, «женских» по своей сути, при разработке проектов федеральных законов в области структурной перестройки, финансирования и налогообложения, приватизации, постановлений правительства. Учитывая комплексный и специфический характер проблем женской части населения, необходимо развивать межведомственное взаимодействие при координирующей роли органов госуправления.

При этом можно выделить несколько узловых моментов возможного корректирующего воздействия государства на женскую среду.

Первое – это официальная постановка про-

блемы (естественность биосоциальных различий женщин и мужчин), ее признание, требующее определенных подходов при разработке некоторых нормативно-правовых и административных документов.

Второе – необходимы дополнительные исследования и формулировки параметральных признаков форм женской социальной активности, требующих особого внимания государства с точки зрения его политических интересов. Попытки подобной систематизации могут исходить из различных посылок – неодинаковых для различных регионов. Кабардино-Балкарская Республика в этом отношении может служить примером территории с ярко выраженным доминированием этнополитических

факторов. Выделение групп «усиленной опеки» не означает их немедленного перевода на более высокий уровень материальной поддержки – вернее, не всегда должно это означать.

Третьим сущностным шагом в целевой переориентации систем регионального женского движения и женской социальной активности должно стать создание подразделений государственных органов управления, акцентированно занятых работой с женскими группами, и только с ними опыт работы женотделов эпохи становления Советской власти можно использовать на новом уровне осознания, а потому – более эффективно.

Ссылки

- 1. Текущий** архив Министерства юстиции КБР. Уставы общественных организаций.
- 2. Личный** архив Шаваевой М. Ч.
- 3. Личный** архив Беппаева С. У. Протоколы заседаний НСБН за №№ 4–20 за период с 16.02.1993 по 12.09.1993г.
- 4. Личный** архив Шанибова Ю. М.
- 5. Данные** Минюста КБР.
- 6. Михайлов С. В.** Социологические проблемы развитого социализма. – М., 1985. С. 372–381.
- 7. Результаты** опроса, проведенного в 2004 г. Тема: «Социальная активность женщин Кабардино-Балкарии».
- 8. Данные** Парламента КБР.
- 9. Результаты** опроса, проведенного в 2004 г. Тема: «Социальная активность женщин в Кабардино-Балкарии».
- 10. Данные** Парламента КБР.
- 11. Результаты** опроса по теме: «Выборы в органы местного самоуправления».
- 12. Данные** Исламского университета за 2007 год.
- 13. Данные** Налоговой инспекции КБР.
- 14. Данные** Статуправления.
- 15. Результаты** опроса 2004 г. «Социальная активность женщин в Кабардино-Балкарии».
- 16. Данные** Министерства здравоохранения КБР.
- 17. Савченко П. Р., Федорова М. Л.** Проблемы разработки социальной стратегии в России (Проблемы теории и практики управления), 1994. № 6. С. 120.